

Говард Филлипс Лавкрафт

Дагон

(Dagon)

Я пишу эти строки в заметном нервном напряжении, оттого что в полночь меня не станет. Причина - безденежье и истощение запасов наркотиков, что одни делали мою жизнь терпимой... Я более не могу переносить эту пытку; я брошусь из окна мансарды, вниз, на нищенскую улицу. Не думайте, что из-за рабского пристрастия к морфию, что я слабовольный человек или дегенерат. Когда прочтете эти коряво исписанные страницы, то сможете предполагать, хотя никогда не узнаете точно, отчего я должен обрести забвение или смерть.

Это произошло в одной из наиболее обширных и наименее посещаемых частей Тихого океана - пакетбот, на котором я служил суперкарго стал жертвой Германского рейдера. Мировая война только началась, и морские силы фрицев еще не были полностью потоплены, чтобы привести в позднейшем к их моральной деградации; так что наше судно было законным трофеем, и его команда относилась к нам со всей снисходительностью, рассматривая нас как военноморских пленников. По правде, наши пленители относились к нам столь либерально, что пятью днями спустя, я смог сбежать на маленькой шлюпке с порядочным запасом воды и провизии. И вот я лег в дрейф, наконец я свободен, свободен и не имею ни малейшего понятия о своем местоположении. Никогда не быв в ладах с навигацией, я лишь смутно догадывался по положению солнца и звезд, что, вероятно, нахожусь к югу от экватора. О долготе я и вовсе не знал ничего - в поле зрения не попадали ни остров, ни береговая линия. Погода держалась ясная, и несчетные дни я беспомощно дрейфовал под палящим солнцем, надеясь наткнуться либо на проплывающий мимо корабль, либо на побережье обитаемой земли. Однако ни корабля, ни земли не появлялось и в своем гнетущем уединении под безбрежьем нескончаемой синевы я понемногу отчаивался. Все переменилось пока я спал. Детали мне не узнать никогда - моя дрема, хоть и была тревожна и наполнена кошмарами, не прервалась. Когда, наконец, я проснулся, то обнаружил себя наполовину погруженным в вязкую, дьявольскую, черную поверхность трясины, что простиралась вокруг однообразными волнами так далеко, как я только мог видеть, и на которой на некотором расстоянии от меня лежала моя лодка.

Хотя можно легко представить, что мое первое ощущение от столь изумительного и неожиданного преобразования пейзажа было удивление, все же действительность более пугала, чем изумляла, - потому что я оказался на открытом воздухе, на дурной, гнилой почве, промораживающей меня до костей. Местность была обезображена гниющими телами рыб и прочими еще менее

пригодными к описанию предметами, торчащими из тошнотворной грязи нескончаемой долины. Возможно, я не должен даже пытаться передать словами неопиcуемый ужас, обитающий в полной тишине и бесплодной необъятности. Ничего не было в пределах слышимости и видимости, исключая обширное пространство черной слизи; а наполненный спокойствием и однообразием ландшафт давил на меня тошнотворным ужасом.

Солнце выгорело на небесах, что казались мне почти черными в своей безоблачной жестокости, и все же оно отражалось от чернильного болота под моими ногами. Как только я забрался в выброшенную на мель лодку, я понял, что лишь одна теория объясняет мое положение. Вследствие некоего беспрецедентного вулканического смещения пластов, часть океанического дна, должно быть, поднялась на поверхность, обнажив пространства, что неисчислимы миллионы лет лежали скрытые под неизмеримыми водными глубинами. Так огромна была протяженность новой земли, поднявшейся подо мной, что я не мог заметить даже слабого звука волнующегося океана, сколь бы сильно я не напрягал слух. Здесь даже морские птицы не охотились на мертвые создания.

Несколько часов я сидел, размышляя в лодке, которая лежала на боку, и давала едва ощутимую тень, по мере того, как солнце продвигалось по небу. Тянулся день, почва понемногу затвердевала и казалось подавала надежду, что достаточно просохнет для непродолжительного путешествия. Той ночью я спал крайне мало; следующим днем я собрал для себя пищи и воды, готовясь к сухопутному путешествию в поисках пропавшего моря и возможно спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва достаточно подсохла, чтобы по ней можно было свободно передвигаться. Запах рыбы сводил с ума, но я слишком стремился к далекому холму, чтобы хотя бы немного задумываться о неприятностях, а потому смело двинулся к неизвестной цели. Весь день я неуклонно продвигался к западу, ориентируясь на далекую возвышенность, которая поднимался над холмистой пустыней. Той ночью я разбил лагерь, а следующим днем по-прежнему продвигался к холму, хотя он вряд ли казался ближе, чем когда я впервые увидел его. На четвертый вечер я добрался до основания холма, который вероятно был много выше, чем казалось издали - похоже обширная долина скрадывала размеры. Слишком утомленный для восхождения, я уснул в тени холма.

Я не знал от чего мои сны были столь дики той ночью - но прежде чем ущербная и причудливо насмехающаяся луна взошла над восточной частью равнины, я проснулся в холодном поту, определенно не в состоянии более уснуть. Было выше моих сил пережить вновь видения, что посетили меня. И в свете луны я видел теперь как неразумно было путешествовать днем. Без ослепительного сияния иссушающего солнца мое путешествие стоило бы мне меньших сил, и теперь я чувствовал себя вполне способным совершить восхождение, что пугало меня на закате. Сбрав багаж, я начал двигаться к вершине.

Я уже говорил, что непрерывная монотонность холмистой равнины пугала меня, но я думал, что мой страх станет сильнее, когда я достигну вершины кургана и посмотрю вниз в неизмеримую шахту или каньон, чье черное уединение луна, еще

не взобравшаяся достаточно высоко, не сможет осветить. Я ощущал себя на краю вселенной, вглядывающимся за обод мира в бездонный хаос вечной ночи. А в мой страх вплетались причудливые реминисценции о Потерянном Рае и ужасном подъеме Дьявола сквозь бесформенное королевство хаоса.

Когда луна взобралась выше по небу, я начал видеть, что склоны не столь отвесны, как я себе представлял ранее. Выступы и обломки скал достаточно легко превращались в опоры для спуска, а там несколькими сотнями футов ниже, наклон становился весьма пологим. Понуждаемый импульсом, который не могу объяснить, я карабкался вниз по скалам, пока не очутился на склоне, пристально вглядываясь в Стигийские бездны, в которые еще не проникал свет. Сразу мое внимание оказалось захвачено громадным и одиноким предметом на противоположном склоне, который вздымался шпилем на сотни ярдов надо мной, объект мерцавший белизной в недавно дарованных лучах восходящей луны. Что это был только гигантский кусок камня я скоро убедился сам, но у меня было отчетливое осознание, что его черты и положение были не полностью работой природы. Более тщательный осмотр наполнил меня ощущением, которое я не могу выразить, оттого, что несмотря на чудовищные размеры, и расположение у края пропасти, что зияла на дне моря с той поры когда мир был юн, я чувствовал бесспорно, что странный предмет - хорошо обработанный монолит, чьи массивные формы извели мастерство и возможно почитание живых и разумных созданий.

Ошеломленный и испуганный, к тому же не без определенного трепета ученого или восторга археолога, я исследовал окружающую местность внимательней. Луна, ныне близкая к зениту, светила таинственно и ярко над вздымающимися ступенями, что окаймляли расселину, и показывала, что далеко отброшенная вода текла по дну, обвивая с обеих сторон и почти касаясь моих ног. Поперек пропасти, волны омывали основание циклопического монолита, на поверхности которого, я мог теперь проследить как надписи, так и грубые скульптуры. Письмо принадлежало неизвестной мне иероглифической системе, и в отличие от того, что когда-либо видал в книгах, состояло по большей части из обычных водных символов, таких как рыбы, угри, осьминоги, ракообразные, моллюски, киты и тому подобное. Некоторые знаки, очевидно, изображали морские создания неизвестные в современном мире, но чьи разлагающиеся тела я наблюдал на поднявшейся из океана долине. Это были пиктограммы, тем не менее, они заставили меня застыть зачарованным. Было ясно видно, сквозь мешавшую воду, множеством барельефов чудовищных размеров. Я думаю, эти создания предполагали изобразить людей - по меньшей мере, некоторый вид людей, хотя создания были изображены резвящимися подобно рыбам в воде в некоем морском гроте, или отдающим почтение в некотором храме, который казалось, находился под волнами. О их лицах и фигурах я не смею говорить подробно, оттого, что эти воспоминания могут заставить меня потерять сознание. Гротеск, превосходивший пределы фантазии По или Балвера, - они были отвратительно человечны, не смотря на перепончатые руки и ноги, ужасно широкие и слабохарактерные губы, остекленевшие, выпученные глаза и другие черты, которые не слишком приятно вспоминать. Казалось, они высечены нарушая

пропорции, потому что одно из созданий было изображено во время убийства кита, изображенного лишь немногим крупнее его самого. Я отметил, как я уже говорил, у них были гротескные и странные размеры, но я тут же решил, что они лишь воображаемые боги некоторого примитивного рыбацкого и мореплавательского племени, племени, чьи отдаленные потомки погибли эпохами прежде чем родились первые предки пилтдоунских и неандертальских людей. Пораженный благоговейным страхом, когда этот мимолетный взгляд неожиданно проник в прошлое дальше самых смелых мечтаний антропологов, я стоял в задумчивости, пока луна не отразилась в заливе передо мной.

Тогда я внезапно увидел это. Едва заметное вспенивание темных вод отметило его подъем на поверхность и существо проскользнуло в поле зрения. Громадное, полифемоподобное, и отвратительное, оно, чудовище из кошмаров, метнулось к монолиту, протянуло к нему свои гигантские чешуйчатые лапы, наклоняло свою ужасную голову и начало издавать ритмичные звуки. Думаю, я тогда сошел с ума.

Неистовый подъем на склон и утес, и скрытое бредом путешествие обратно к севшей на мель лодке, я помню плохо. Я верю, что крайне много пел и громко смеялся, когда не был способен петь. У меня сохранилось расплывчатое воспоминания о сильной буре, начавшейся через некоторое время после того, как я добрался до лодки, в любом случае, я знал, что слышал раскаты грома и прочие звуки которыми Природа выражает свое самое дикое расположение духа.

Когда пришел в сознание, я был в госпитале Сан-Франциско, доставленный туда капитаном Американского корабля, который подобрал мой бот посреди океана. В своем бреду я много говорил, но обнаружил, что к моим словам было проявлено незначительное внимание. Я полагал, нет необходимости настаивать ни о сдвиге пластов где-то в Тихом океане, ни о невероятных вещах, о которых я узнал, а мои спасители не подозревали ничего. Позже я разыскал прославленного этнолога, и донимал его вопросами о древних Филистимлянских легендах о Дагоне, Боге-Рыбе, однако вскоре заметил, что он безнадежно шаблонен, и я прекратил давить на него.

По ночам, особенно когда луна горбата и ущербна, мне снится существо. Я пробовал морфий, но он давал лишь мимолетное избавление, погружив меня в пучину безнадежного рабства. Я заканчиваю, - детальный отчет для предупреждения, либо увеселения моих знакомых уже готов. И я спрашиваю себя, а что если это была лишь иллюзия - каприз лихорадки, когда я лежал пораженный солнцем и метался в открытой лодке, после моего побега с германского крейсера. Об этом я спрашиваю себя, и временами в ответ передо мной встает ужасное, яркое видение. И я не могу думать о глубинах моря без содрогания, вызванного безымянными созданиями, что возможно именно в этот момент крадутся, с трудом двигаясь по своему слизкому ложу, поклоняются своим древним каменным идолам и вырезают собственные ужасающие портреты на обелисках из погруженного в воду гранита.

Я размышляю о днях, когда они смогут подняться из моря, чтобы протянуть свои смердящие когти к остаткам жалкого, истощенного человечества - о днях, когда

земля будет затоплена и темное океанское дно будет поднято посреди вселенского обиталища демонов.

Конец близок. Я слышу шум за дверью, как если бы какое-то огромное, скользкое тело неуклюже двигается за ней. Оно не должно найти меня. Боже, эта рука! Окно! Окно!

июль 1917 г.

*Перевод Thrary
1998 год*